

Семейное упр.; модери для сбора
Кн. 1
2009

ЛЕСБИЙСКИЕ СЕМЬИ: РЕАЛЬНОСТЬ ЗА СТЕНОЙ МОЛЧАНИЯ

Надежда Нартова

ЛЕСБИЙСКИЕ СЕМЬИ: РЕАЛЬНОСТЬ ЗА СТЕНОЙ МОЛЧАНИЯ

Изменения, происходящие в России в течение последних десяти — пятнадцати лет, открывают новые планы повседневной жизни, ранее закрытые и от общественного обсуждения, и от исследовательского интереса. Одной из таких тем является гомосексуальность. В советское время сексуальность в целом была закрытой темой, а гомосексуальность если и появлялась в дискурсе, то исключительно с позиций психиатрии, медицины и девиантного поведения. Соответственно, научный дискурс о гомосексуальности носил маргинальный и маргинализирующий характер, во многом сохраняющийся и в настоящее время. Даже институционализация гендерных исследований, сделавших возможным в академической сфере новую постановку проблем «женщины» и «женского», сексуальности и власти, не повлекла за собой роста исследовательского интереса к гомосексуальности, хотя в современных западных исследованиях именно изучение гомосексуальности позволило теоретически обосновать дискурсивное и культурное производство пола и сексуальности.

Немногочисленные исследовательские работы российских авторов, посвященные гомосексуальности, акцентируют свое внимание преимущественно на *мужской* гомосексуальности, исследованием лесбиянства практически нет. Редки и переводные статьи. Почему до сих пор так происходит — вопрос открытый. Возможно, наличие в академическом и общественном дискурсах хоть какой-то артикуляции темы однополой мужской любви объясняется общим восприятием мужского как публичного, а, в свою очередь, гомосексуального — как нарушающего традиционные нормы «публичной» маскулинности. Лесбийство же как явление одновременно и женское, и гомосексуальное остается за рамками,

а зачастую и интерпретируется сквозь призму *мужской* гомосексуальности (см.: Омельченко 2002)¹.

В свою очередь, на *повседневном* уровне гомосексуальное поведение продолжает рассматриваться как разновидность сексуальной техники и замыкается пределами спальни. (Наглядным демонстрацией служит обывательский порнографическо-эротический интерес к лесбийским отношениям.) Во многом это является результатом «сексуальной революции» российского общества, в процессе которой сексуальный дискурс не только появился в публичном пространстве, но и включил в себя многие ранее совершенно замалчиваемые элементы. Это позволило, с одной стороны, признать за гомосексуальностью право на существование, а с другой — ограничить ее анализ проблематикой сексуального удовлетворения.

Однако гомосексуальность, как и любая сексуальность, является важнейшим компонентом общей структуры личности и влияет не только на выбор сексуального партнера, но и определяет жизненные стратегии индивида. То есть поддержание идентичности, организация личной жизни (выбор партнеров и способа взаимодействия), конструирование публичной и приватной сферы зависит в том числе и от гомо- или гетеросексуальности индивида. А также от возможности реализации гомо- или гетерообразности жизни в обществе.

Женщины-лесбиянки — небольшая в процентном отношении часть населения — в реальности представляют собой тысячи и тысячи людей (Кон 1998, 44—48). Эти люди, разумеется, живут не только мыслями о сексуальном удовлетворении. Множество лесбийских пар строят свои отношения, организуют свою жизнь, планируют свое будущее в условиях достаточно жесткого социального давления и неприятия. В частности, термин «лесбиянка» имеет негативную коннотацию: он не столько описывает ненормативную сексуальность, сколько исключает человека из «нормы» вообще. Поэтому в данной работе будет использоваться понятие «женщина-лесбиянка».

Показательным примером исключения гомосексуальности является российская социология семейных отношений — она либо

¹ По составленной С. Голодом и Л. Кузнецовой (2002) аннотированной библиографии по проблемам сексуальности за период 1991—2000 гг. можно проследить, что из 16 опубликованных работ по гомосексуальности исключительно лесбийство посвящены всего две (Жук 1998; Нартова 1999) и одна — «сексуальным извращениям» (на примере гомосексуальности) у осужденных женщины (Волков, Калининко, Пишелко 1992).

не рассматривает гомосексуальные пары вообще, либо отказывает им в праве на семью. Например, авторы монографии по социологии семьи отмечают:

Сегодня в условиях развала социокультурных норм многодетности, отмены прежних табу и распространения «сексуальной революции» идет борьба за узаконение гомосексуализма и лесбиянства как самостоятельных, а не дополнительных к гетеросексуальности форм сексуальных связей. Причем стремление легализовать эти разновидности секса заставляет прибегать к семейной мимикрии, прятать девиантность гомосексуализма (точнее, гомосексуализма) за семейной терминологией и называть подобные связи «однополыми браками» или «однополыми семьями». Однако гомосексуальные пары сожитель, так же как и добровольно бездетные гетеросексуальные супруги, не могут быть семьями из-за своей репродуктивной несостоятельности. Отказ от уголовного преследования людей с девиантными сексуальными склонностями (девиантными из-за своей принципиальной бездетности) не означает отказа от социокультурного осуждения этих форм сексуализма (Антонов, Медков 1996, 294—295).

Даже исследователи, перенесшие фокус внимания в рассмотрении семьи с воспроизводства на супружество, не признают гомосексуальные пары в качестве нетрадиционных форм семейных отношений:

Конвенционально «нетрадиционные», т.е. в том или ином качестве отличные от классической моногамии, модели могут быть сведены к внебрачным семьям, альтернативным стилям и собственному альтернативным бракам. Замечу, между прочим, следующее: в отличие от некоторых американских исследователей, мною отрицается правомочность ставить в этот ряд не только так называемые гомогенные семьи, но даже гетеросексуальную внебрачную практику (Голод 1998, 188).

Любопытно, что обе процитированные работы появились на свет, несмотря на целый ряд значительных изменений и в обществе в целом и в науке, в частности: сняты идеологические ограничения, поддерживающие развитие академического знания, по стране прокатилась волна гей-лесбийского движения начала 1990-х, наконец, были отменены статьи Уголовного кодекса РФ, карающие добровольное «мужеложство». Однако гомосексуальные пары, по мнению авторов, остаются *вне* рамок семьи, потому что не обладают возможностью воспроизводства потомства с узаконенными, четко определяемыми родителями, не обладают возможностью правовой регистрации — заключения брака, а значит, выпадают из

социального поля регулируемых сексуальных отношений. Таким образом, в российской социологии официальной причиной (о субъективном отношении остается только догадываться) исключения гомосексуальных пар из рассмотрения семейных отношений является их «несанкционированный», т.е. не признанный прежде всего государством, характер. Отсутствие у гомосексуальных пар легитимности перед лицом государства и сложности, в свою очередь, социального контроля и регулирования данных отношений становится барьером для социологии семьи при включении однополых пар в поле своего внимания.

Очевидно, что классификация отношений между людьми на «семейные» и «несемейные» определяется прежде всего тем исходным определением «семьи», которое лежит в основе той или иной классификации. Согласно, например, британскому социологу Энтони Гидденсу, семья — это ячейка общества, состоящая из людей, которые поддерживают друг друга одним или несколькими способами, например, социально, экономически или психологически (любовь, забота, привязанность), либо чьи члены отождествляются друг с другом как поддерживающая ячейка» (см.: Томпсон, Пристли 1996, 162). Понятно, что при таком подходе ключевым в определении семейного характера отношений внутри лесбийских пар будут являться те формы поддержки, которые оказывают партнерши друг другу, а также их готовность/желание воспринимать их союз как семейный, даже если академические дискурсы и общественное мнение отказываются их считать таковыми.

Поэтому целью настоящей статьи стала попытка приоткрыть завесу молчания вокруг лесбийских семей и реконструировать их повседневность. В исследовании был применен метод полуструктурированного интервью, в ходе которого информантка задавалась вопросы о различных аспектах семейной жизни и представлялась возможность свободно говорить на предложенные темы.

Женщины-лесбиянки не представляют собой монолитной и однородной группы: пары различаются по образу жизни, ценностям, установкам, принадлежат к разным социальным слоям, имеют разный уровень дохода и т.д. Поэтому анализ пяти семей молодых женщин-лесбиянок, преимущественно высокообразованных и преимущественно занятых в частном секторе экономики, не претендует даже на основную репрезентативность, а скорее является поисковым исследованием, в ходе которого осуществляется первичная реконструкция повседневности и ограничений, которые структурируют семейную жизнь лесбийских пар.

Для исследования выбирались пары, имеющие продолжительные стабильные отношения; в каждой из пяти пар была проинтервьюирована одна партнерша.

Пара № 1: Вместе 14 месяцев. Обе партнерши имеют высшее образование, продолжают обучение в рамках повышения квалификации. Информантка Юлия (22 г.) работает менеджером в частном бизнесе, партнерша Вера (24 г.) аспирантка. Проживают вместе.

Пара № 2: Вместе шесть с половиной лет. Обе партнерши имеют высшее образование, работают менеджерами в сфере частного бизнеса. Информантка Аня (26 л.) и партнерша Ксения (34 г.) проживают вместе.

Пара № 3: На данный момент распалась после семи лет отношений, три из которых проживали совместно. Информантка Ника (26 л.) на момент отношений была студенткой, партнерша имела среднее образование, не работала.

Пара № 4: Вместе полтора года. Обе партнерши имеют среднее образование. Информантка Света (26 л.) работает дизайнером в частной фирме, имеет ребенка. Партнерша Соня (23 г.) на данный момент безработная. Проживают вместе.

Пара № 5: Вместе три года. Обе партнерши имеют высшее образование, работают в сфере частного бизнеса. Информантка Маша (26 л.) и партнерша Рита (24 г.) проживают вместе.

Для того чтобы понять, что такое лесбийская семья, я попыталась описать и проанализировать следующие аспекты:

- характеристики, с помощью которых женщины определяют свои отношения;
- механизмы, использованные для конструирования идентичности;
- характеристики эмоционально-интимных отношений;
- описание материальных условий, характера распределения обязанностей внутри пар и способы принятия совместных решений;
- вопрос о рождении и воспитании детей и, наконец,
- артикуляция взаимодействия лесбийских пар с их ближайшим социальным окружением и публичным пространством.

«ЭТО И ЕСТЬ СЕМЬЯ...»

В российском обществе не существует социокультурных традиций, согласно которым продолжительные лесбийские отношения можно было бы определять как «семейные». Поэтому одной из

важнейших задач данной работы было выяснить, как именно характеризуют женщины-лесбиянки свои отношения с партнершами. Как показали результаты, продолжительные стабильные отношения воспринимаются их участницами как семейные:

Я считаю, что мы — семья, несомненно, по всем признакам. При этом Ксению я мыслю не как жену или как мужа, а как человека, которого я люблю, то есть — любимая женщина, любимый человек (Аня, 26 л.).
Семейные отношения, семейные. Потому что это похоже на семью, потому что это и есть семья, как их еще можно определять? (Света, 26 л.).

Вынося свои собственные суждения в пространство интервью, а значит, в оцениваемое публичное поле, информантки сначала легитимизировали свои отношения путем сравнения «по всем признакам» с предполагаемой моделью традиционной семьи; отношение между двумя женщинами являются семейными — «потому что это похоже на семью». Разворачивая объяснение, информантки затем выводили идентификацию собственного опыта из понимания сущности семьи как таковой:

Семья — это союз двух людей, которые любят друг друга, то есть никакие браки по расчету мне никогда не были приемлемы. Поэтому, если есть два человека, которые живут вместе, или они могут не жить вместе, по каким-то очень серьезным обстоятельствам, имеют общий бюджет, общие планы, общий быт, общие дела, то мне кажется, что это семья (Аня, 26 л.).

Семья — это союз двух любящих друг друга людей, способных идти по жизни рядом, глядящих в одну сторону, имеющих определенные цели, связанные друг с другом, возможно, воспитывающие детей (Света, 26 л.).

В понимании информанток, семья — демократична и строится на основании «союза двух любящих людей», включает общее ведение хозяйства, общее проживание, но главное — включает в качестве фактора, конституирующего взаимоотношения, общие повседневно разделяемые интересы: «общие дела», «глядящие в одну сторону». Семья рассматривается как супружеский проект двух взрослых людей, «способных идти по жизни рядом», в котором рождение детей является желательным, но не основным, обязательным условием («возможно, воспитывающие детей»).

В условиях проблематичности принятия гомосексуальных отношений в обществе семье присваивается статус более высокий, по сравнению с любовной связью или сожительством: «семья лучше, чем что-то другое»; презентация отношений как семейных

имеет больше шансов на общественное признание. При этом потребность в официальной регистрации брака рассматривается как механизм защиты от негативного социального контроля.

Мне почему-то так больше нравится это определять, чем просто любовницы, или сожители, или еще какие-то там определения. Мне кажется, что если я и другим смогу это объяснить, так, как я это понимаю, что это семья, а не любовницы или сожители, то у всех будет отношение, как у меня, то есть семья лучше, чем что-то другое. А если бы это была зарегистрированная семья, то против этого вообще ничего не скажешь (Юля, 22 г.).

Идентификация отношений как семейных происходит не посредством прямого механического переноса понятия на романтические отношения, а связана с рефлексией по поводу изменения качества и условий взаимоотношений:

Я стала думать о нас как о семье, когда поняла, что это не просто роман. Мы уже жили вместе, но я это еще так не называла. Когда я поняла, что есть некая стабильность, что мы не разбежимся после какой-нибудь ссоры, что для нас важны эти отношения, что есть чувство безопасности, что если что-то случится, то второй позаботится, что главное, что для каждой из нас эти отношения стали жизнеопределяющими, то я поняла, что это семья, хотя я всегда хотела иметь семью, но в реальности оказалась с этим очень осторожна (Маша, 26 л.).

Осознание того, что это семья, пришло уже, конечно, во время совместной жизни. Потому, что эти отношения стали для меня в каком-то смысле проблематизироваться. То есть я стала их осознавать в совокупности хорошего, плохого, проблем, позитивных каких-то моментов. До этого, когда все было в форме романа, причем довольно бурного, были какие-то внешние угрозы, некуда было пойти, нужно было прятаться от родителей и вообще от окружающих, а когда начинаешь жить вместе, на первый план выходят другие проблемы: ежедневное мелькание друг у друга перед глазами, надо идти в выходные на рынок, надо убирать комнату, я люблю футбол и не люблю сериалы. То есть стала возникать куча проблем внутри, которые надо было решать, и решать через компромиссы. Для меня семья была связана с длительным совместным проживанием, с ведением общего хозяйства, с ответственностью за партнера, с распределением ролей (Ника, 26 л.).

Интерпретация отношений как семейных связывается с окончанием фазы «романа» и с включением в эти отношения бытовых элементов «совместной жизни», т.е. с необходимостью структурировать рутину, с одной стороны, а с другой — с ожиданием стабильности.

безопасности («что мы не разбежимся после какой-нибудь ссоры»), а также наличием способности поддерживать стабильность этих «жизнеопределяющих» отношений с «ответственностью за партнера».

Важную роль в поддержании идентичности и сплоченности любой семьи играют совместные ожидания и общие жизненные перспективы. В рассматриваемых парах к ним относятся продолжение отношений, стремление иметь детей, совместное жилье и улучшение материального состояния.

Я жду, во-первых, я жду, что мы не откажемся от всего того, во что мы верим и что мы делаем сейчас. Я жду, что наша семья не развалится оттого, что кто-то перестанет верить друг в друга, в нашу совместную жизнь, это мое ожидание от нашей жизни, что она будет длиться не один год, не два года, то есть семья будет не на один год, не на два, а, ну, пока смерть не разлучит нас. Это самое главное ожидание (Юля, 22 г.).

Во-первых, я очень хочу, чтобы у нас были дети у обеих. И мне это очень ценно и очень интересно. Мне кажется, что это очень углубляет и меняет отношение в гетеросексуальных парах, и мне кажется, что здесь то же самое происходит, потому что это, что мы создали, это то, что спланирует (Аня, 26 л.).

Мне очень хочется, чтобы у нас наконец-то было жилье свое, чтобы денег больше зарабатывали, чтобы мы повышали свое благосостояние (Аня, 26 л.).

Хочется финансовой успешности, чтобы не думать о деньгах, чтобы была своя квартира (Маша, 26 л.).

Ожидания, демонстрируемые информантками, связаны с актуальными для них отношениями и направлены на их укрепление. Даже желание иметь детей рассматривается не в контексте целеполагания семьи, а как стабилизирующий фактор («это очень спланивает»).

Отличительной особенностью лесбийских пар является надежда на общественную легитимацию своего семейного статуса и со стороны общества в целом, и со стороны ближайшего социального окружения:

Я ожидаю, что когда-то не я одна буду говорить о нас как о семье, или о нас троих, или четверых, если будут дети, как о семье, но я ожидаю, что и общество будет так же уверено, как и я, в том, что это семья (Юля, 22 г.).

Хочется, чтобы родители окончательно приняли (Аня, 26 л.).

Важно отметить одно обстоятельство: опрошенные пары имеют «обручальные» кольца. Обмен кольцами является апогеем традиционной брачной церемонии. Формально лишённые права на проведение свадебных ритуалов, женщины-лесбиянки используют данный механизм фиксации изменений статуса пары: с одной стороны, происходит рефлексия изменений качества отношений и выработка ориентации на продолжение совместного существования, с другой — символическая репрезентация статуса вовне.

У нас есть кольца, которыми мы обменялись еще относительно в начале наших отношений, и мы их носим на безымянном пальце правой руки, и никогда не снимаем, и они внешне похожи на обручальные. Мне нравится, что у меня есть кольцо, как у каждой женатой женщины, или замужней, во-вторых, мне нравится, что у меня есть какое-то вещественное доказательство присутствия жены в моей жизни, оно мне напоминает о ней, в-третьих, оно красивое (Юля, 22 г.).

Единственная пара, еще не имеющая колец на данный момент, высказала такое намерение: «Вот кольца ходили смотреть. Ну, это такое дело. Мы об этом говорим, но как-то... Хочется какого-то символа, какого-то знака» (Света, 26 л.).

Таким образом, рассматриваемые лесбийские пары не только определяют себя как семьи, но и выработывают механизмы конструирования и поддержания идентичности, направленные на укрепление и развитие *семейных* отношений, в интерпретацию отношений как семейных включаются безопасность, стабильность, забота, совместное ведение хозяйства, выработка совместных привычек и навыков решения спорных вопросов и конфликтов. Идентификация пары как семьи является сознательным проектом, связана с рефлексией изменения качества и условий отношений, сопровождается выработкой установки на сохранение и развитие отношений. Поддерживающим механизмом выступает и символический ритуал (обмен «обручальными» кольцами), с помощью которого изменение статуса пары репрезентируется обществу.

В условиях отсутствия соционормативных образцов поведения гомосексуальных пар, внешних поддерживающих механизмов, т.е. в условиях высокой степени неопределенности, для лесбийских пар необходимы некие гарантии стабильности. Семья в сознании связывается с долгосрочным проектом, поэтому конструирование семейной идентичности позволяет обеспечить продолжительность и развитие отношений. Семья воспринимается скорее не как *навязанная норма* гетеросексуального большинства, а как *универсаль-*

ный конструкт, в рамках которого можно не только создавать удовлетворяющие отношения, но и который можно наделить желаемыми смыслами.

Как ни парадоксально, в условиях сложившегося дискурса гомосексуальности как тотальной сексуальности в артикулированное понимание семьи информантками сексуальность не входит. Она становится сопутствующим, а не определяющим фактором. При переходе отношений от романтических к семейным в лесбийских парах сексуальность отходит на второй план, и семья становится проектом «совместной жизни», а не «регламентацией сексуального взаимодействия».

«...Мне с ней интересно жить»

Судя по интервью, внутренний мир лесбийских семей — это мир эмоциональной близости и внимания друг к другу. Информантки подчеркивают, что их отношения основываются на открытости, желании слышать и слушать другого, на интересе к партнеру. Самым важным в своих взаимоотношениях женщины выделяют эмоционально-психологические характеристики, такие как любовь, доверие и поддержку, совместные интересы и разделяемые смыслы.

Любовь. Что может быть точнее? Любовь. Доверие, порядочность. Не знаю, что еще, любовь — самое главное (Света, 26 л.).

Для меня самое важное то, что мне с ней интересно жить. Пока мне интересно, я могу жить, если мне станет неинтересно, конечно, интересно в каком-то более общем смысле, не в конкретном, как интересный фильм, интересная книга, а в каком-то общем жизненном смысле интересно жить. До тех пор пока она мне дарит интерес к жизни, а я ей дарю что-то, что она во мне больше всего ценит, до тех пор может существовать эта семья. И это я считаю самым главным и семьеобразующим. Интерес к жизни как желание жить (Юля, 22 г.).

Партнерши являются друг для друга не только источником любви, внимания и поддержки, это отношения открытости и доверия. Семья — тесная дружба:

Для меня стало так, что жена стала также лучшей подругой. Меня это абсолютно устраивает, потому что существует между нами не только секс, любовь, или я не знаю, что объединяет, какие-то любовные отношения. Но есть и дружеские отношения, поэтому это жена и друг (Юля, 22 г.).

Отношения в семье эксклюзивны: «Для меня она самый близкий человек, все ей рассказываю, и все ей приходится слушать. Есть вещи, которые я вообще никому не говорю, ни друзьям, ни ей, никому, как у всякого, наверное. А так, могу на нее друзьям пожаловаться, но все равно ей потом все выскажу» (Маша, 26 л.). Эксклюзивность отношений приводит к расширению личностных функций, осуществляемых партнерами: партнерши должны удовлетворять не только сексуальные и эмоциональные притязания друг друга, но и интеллектуально-духовные («интерес к жизни»), дружеские, возможности выражения недовольства («но все равно ей потом все выскажу»). То, что могло бы быть направлено и реализовано по разным каналам, концентрируется в одном месте и в одном человеке. Более того, выполнение данных требований выступает как необходимое условие сохранения отношений и становится обязательным для исполнения: «до тех пор, пока она мне дарит интерес к жизни... может существовать эта семья».

Только одна информантка отметила сознательное утаивание недопустимого в их отношениях поведения — связей на стороне.

С ее стороны, я думаю, доверие было полным. Я не знаю до сих пор никаких тайн, которые были от меня скрыты. С моей стороны были определенные тайны, через год или полтора, после того как начались наши отношения, то есть в самом их разгаре, у меня были уже отношения на стороне. У меня были романы параллельные. Но я прекрасно отдавала себе отчет в том, что я люблю ее, но мне нужны, скажем так, еще какие-то впечатления, и воспринимала все романы на стороне как втростепенные, вынуждена была их скрывать, естественно (Ника, 26 л.).

Высокая степень эмоциональной и духовной близости лесбийских пар — желание быть вместе и уделять друг другу как можно больше внимания — естественно выражается в совместном проведении свободного времени:

Свободное время мы почти все проводим вместе, кроме тех случаев, когда мы договариваемся, что едим по мамам, или Ксения берет начальник, он же друг, с работы, поэтому она приезжает позже, я поэтому представляю себе, или у меня свободное время днем, и я могу встретиться с подружкой. Ксения в это время на работе (Аня, 26 л.).

Почти все, почти все свободное время мы проводим вместе, потому что это не так-то много, и обидно его проводить не вместе (Юля, 22 г.).

Проведение отпуска также отмечено стремлением быть «всегда вместе» и зависит от наличия материальных и временных ресурсов:

Отпуска вместе всегда. Мы, по-моему, считали, что за пять лет отдельно друг от друга мы провели месяц (Аня, 26 л.).

С отпусками через раз получается, то работа, то деньги, то еще что-то, а так, конечно бы, хотелось всегда вместе (Маша, 26 л.).

«Универсализация» партнерш позволяет максимально эффективно использовать ограниченные временные ресурсы: все необходимое сосредоточено в одном человеке, при этом реализуются такие важные аспекты семейного взаимодействия, как потребность во внимании партнерши и необходимость совместных действий (походы в театр, к друзьям и т.д.).

Однако тотальная общность взглядов не является обязательным условием *стабильности* лесбийских отношений. Все информантки отметили как наличие совпадений в подходах и точках зрения, так и области различий. Причем у каждой пары это свои зоны. В одних семьях существует общность мировоззрения, а различия лежат на уровне повседневности, в других — наоборот. Лесбийские пары рассматривают взаимную непохожесть как поле диалога, в котором всегда можно найти общий язык:

Мы в чем-то, видимо, очень одинаковые. Поэтому какие-то вещи, связанные с пониманием, что такое интеллигентность, что такое доброта, какие книжки нужно читать, что деньги — это не главное, а главное — это отношения. Ну, вот такой нематериальный, немного романтический взгляд на жизнь, вот эти вещи — общие. Мы разные по темпераменту. Разные по ценностям, мне больше важен быт и успешность, такая, социальная, нежели Ксения, потому что для нее более важны мыслительные процессы, которые происходят внутри нее (Аня, 26 л.).

Есть что-то общее, но есть что-то и разное. Отношение к жизни разное и понимание каких-то основополагающих вещей, и это иногда раздражает, и кажется как-то, что тебя не могут понять, но в принципе я не считаю, что это препятствие для отношений, наверное, можно объяснить свою точку зрения и чужую послушать. Тебя не лишает твоих позиций то, что у человека другая точка зрения. Я более практична, она более идеалистична. На повседневном уровне нам нравится делать одни и те же вещи (Юля, 22 г.).

Любые семейные отношения предполагают возникновение и решение конфликтов. Лесбийские пары не являются исключением: открытые конфликты, споры присутствуют почти во всех рассматриваемых семьях. Информантки выделяют чередование мирных и конфликтных периодов в жизни:

